

От «Просвета» до Лахты—стена грозовая.
Коломяги дрожат, напряглась «Беговая».
«Васька» шикнул—и юркнул меж ладожских струй,
потому как накроет, а там—не балуй.
Понимает, бывалый: опасные игры.
И, зажмурясь, не видит, как падают искры.
Он привык «по-кошачьи» смиренно свернуться,
потому что иначе здесь можно свихнуться.
Это—Питер. Терпимо для здешних широт.
Но готовиться к худшему—здравый подход.
Зонт с собой—это норма у Невки, на Мойке,
в историческом центре трёхсотлетней застройки.
Там и с ног не собьёт, и не вырвет из рук.
Там гроза вызывает лишь страстный испуг.
На окраинах зонт ни к чему: под ногами—
котлованы, карьеры воды. Сапогами
запасись. Про модельную обувь забудь.
Тут не кожа нужна и не замша. Моргнуть
не успеешь—резина, которой стыдишься,
незаметно прикроет. И не разоришься.
Покупать на сезон—точно не комильфо.
Это—Питер. И главное здесь—естество.
Даже в дождь потихоньку от «Стрелки» дойду,
вдоль Невы, на свидание в Летнем саду.

Портрет и копии

Как в масле—с тёмного,
на белом—
с лица положено начать.
Писать—как чувствовать—
всецело,
и в теле—душу ощущать.
У жизни веские причины.
Она сама себя творит.
А смерть—лишь рамка для картины
под исходящий рокит.
У жизни масса переходов,
борцовский нрав, горящий взор.
А смерть сулит разбор полётов
и заземлённый кругозор.
Контачим и перегораем.
Спешим на мойку и в ремонт.
Под Богом ходим и не знаем,
когда свернём за горизонт.

Получив нагоняй от жены,
с лёгким чувством вины
уйди в «автономку»,
смени обстановку.
Дней на восемь. А дольше—ни-ни.
Меньше тоже не сто́ит. Шагни
в неизвестность, найдёшь Незнакомку.
Ну, проваливай и принимай.
Не волнуйся. Чего не бывает?
Разомнёшься и скажешь: «Бай-бай».
А жена... пусть немного отгает.
Пусть она от тебя отдохнёт.
Вероятно, помиритесь вскоре.
Расставанье бодрит, словно мёд
с молоком или лёд в кока-коле.
Не ханжа, не сквальга? Дерзай!
За охотой приходит желание.
Не настаивай. И не бросай.
И ещё пригласи на свидание.

Десять лет под Балтийским морем—
совсем не «кум королю».
Застрел, как патрон в затворе.
Не рыпаюсь, не скулю.
Наготове, и силюсь рьяно,
хоть Петровы оковы жмут.
Передёрни затвор, охрана,
конвоируй на Божий суд.
Не сержусь на земную участь.
Приценился, но перерос.
Не привёл до Суоми случай,
до Эстонии не донёс.
Что же, с юности в заграничу
до беспамя́тства был влюблён.
Но за всякую небылицу
платишь верой, а не рублём.
Конвертируй, не жмись, охрана!
Всё одно по пути ларёк.
Да какая, к чертям, нирвана?!
Не юродствуй. Спускай курок.

А русские... да что и говорить...

А. С. Пушкин. Борис Годунов

Чернигов пал, стрельцы «смутились».
Расстрига сел на царский трон.
Венчались в мае, причастились
в Успенском. Шуйский был взбешён!
Нашлось ружьё, и выстрел грянул,
а после, в шапке шутовской,
был «заглумлён» и смят толпой
поверженный. Наглядно канул:
летел из пушки прах «царя»;
гроза—под ним, над ним—заря.
Красавица и самозванец.
Лжедмитрий и Марина Мнишек.
Сама над картами, страдалец
лежит на кладбище для нищих.
Мятеж и кризис, заваруха,
ума и сердца непокой.
А в двух словах, одной строкой—
в обеспокоенности духа
двадцатилетия минута
на размышление.
Кому-то
и вздохи слышались снаружи,
как будто «был да вышел весь».
Так сущность вытеснила душу,
и самозванец снова здесь.
Лжедмитрий «тушинский», второй,
просил руки и ждал достойно.
Марина за него—горой
и сердце отдала спокойно.
Вдруг—«литургический» припадок.
Поход отложен, вор казнён.
И горечь выпала в осадок,
затмив рассудок и закон.
Родился сын. Его сгубили
Романовы в начале лет.
Кто знает, как бы дальше жили,
когда бы не менталитет.
Аж до двадцатого колена
род проклинала роковой
царица, в башне, за портретом.
Но—вниз вороньей головой.
Оцепенели: Николай,
и принц Георг, и самурай-
городовой, поднявший меч.
Буддисту нечего беречь.
Век в искажённом предсказании—
расплывчатый калейдоскоп.
Кто виноват в истолковании?
Увы, английский гороскоп.
Пока «кровавый» миротворец
на Серафимушку пенял,
в придворной своре—вор на воре,
и что ни заговор—скандал.

Прометей, Прометей,
зажигай, жми на «Плау»,
чтоб вокруг зазвенело, запело!
Задышало, раскрылось, как горний Орфей.
Будет песня, а значит, и дело.
Будем живы, а значит, поближе к огню.
Он утешит идущих за нами.
А пока на плаву, я волну не гоню,
но упрямо стою под парами.
Что в эфире? Затишье. Орфей не парит.
Замолчал, ищет новую пару.
Эвридика? Конечно. Но тихо сидит,
дышит ровно, а он—с пылу с жару.
Если дело—табак, то сумеешь разрешить
это могут как минимум двое.
Зажигай, Прометей, и давай прикурить.
Но смотри не задень за живое.

Автовокзал и кладбище рядом.
Не торопитесь, уедем все.
Перво-наперво—автострада.
После тащимся по шоссе.
Вечно-сезонное оборзение.
Прут «истребители» на кордон.
У «испытателей» вдохновение.
А дальнобойщикам не резон.
Жмутся любители, шпарят профи,
бьются блондинки и пацаны.
«В теме» каршеринг и «Кэмел-трофи».
В тренде страховка за полцены.
Жизнь обесценилась и упростилась.
«Авторитеты» не при делах.
Так, как хотелось, не получилось.
То, что имеем,—выхлоп и прах.

Копия Мартин Иден.
Скрытен и беспредметен.
Тот, кто насквозь виден,—
практически незаметен.
Пушкинская Татьяна—
вылитая Лолита.
Около океана
сглаженнее палитра,
прибыльнее разводы,
соуснее, мяснее...
Жаждающие свободы
знают, что жизнь—важнее.
Знают, что жизнь—дороже
гонора и породы.
Хуже следов на коже—
только новые годы.

● ● ● ●
Между лекарством и ядом разница только в дозе,
там, где подъём и спад, бездна и Млечный Путь.
Хочешь всю жизнь пастись и плестись в обозе?
Бойся поторопиться и затянуть.
Бойся данайцев, безбожно вырванных из контекста.
Вездесущей рекламы, даже о Судном дне.
Бойся не одиночества и соседства,
а того, что обычно случается на волне
кризиса, когда Дерипаска— пешка,
потому что иные фигуры имеют власть.
Когда встаёт на «ребро», но «орёл» и «решка»
уже никому не в радость, да и не «в масть».

● ● ● ●
По Суворовскому на Староневский
выхожу, на первой Советской—
кофе двойной, с собой, на вынос.
Посидеть нельзя, потому что— вирус.
Карантин становится всё заметней.
Очередь и дистанция. «Кто последний?»
Пандемисты пробуждают инстинктивное поведение,
провоцируют нравственное радение.
Храмы— по Интернету.
Под запретом цирюльни и бани.
Привилегии— надзирателям и охране.
Пуганые ломанулись ещё в апреле.
Пугливые тоже смекнули, но не успели.
Накрылись заработки, отложились премьеры.
Важные люди теперь— курьеры!
Выросли аппетиты у адвокатских.
Действительность гаже, чем у Стругацких.

Бессребреник Серебряного века

Виктору Владимировичу Хлебникову

«Викторианское» эхо.
На досках Судьбы наброски.
А говорили— потеха...
Эпоха! Мы— отголоски.
Он— математик от Бога.
Разин словесного цеха.
Слово светилось, как Око.
А говорили— для смеха...
«Викторианская» веха.
Космос! Мы— атмосфера.
Феникс двадцатого века,
«Викторианская» эра.
А говорили— погрешность...
Проводы были недолги.
В нём— роковая безбрежность!
С нами— пыль и осколки.

● ● ● ●
Хочешь увидеть город— иди на гору.
Когда солнце ныряет за горизонт,
скажи спасибо Бендеру-командору
за его мечтательно-томный понт.
Фавелы преобразаются до рассвета.
Ночь, которая ярче дня,
мчит под звёздами, как комета
в объятия воздуха, из огня.
Что я этим хочу сказать? У Рио
нет аналогов на земле.
В Рио чисто, не то что в Риме.
Пляж вообще пятьдесят кэмэ!
Не Париж, а никто не спорит.
Но оттуда— salut, Paris!—
сам Христос над уровнем моря,
улыбаясь, глядит с горы.
Есть сомнения? Поднимайся
и с вершины не упади.
Мало гаджета и девайса.
Нужно видеть и— обрести.
Нужен выход и зримый фокус.
Даже если висит туман,
с Корковадо— поближе космос.
Командор у нас— капитан.
Управдома и эмигранта
не изведена им судьба.
Бендер-бей и его команда
доказали, что жизнь— борьба.
Загорает Копакабана,
созерцает свои права.
Тает Рио у океана,
чисто Сахарная Голова.

● ● ● ●
Какие-то мы чужие...
Какие же мы свои...
Дикие и ручные,
совы и соловьи.
Ярые протестанты,
хилые хипари.
Яркие бриллианты,
тусклые фонари.
Тупо забились в норы.
Только б не замели.
Рокеры и «мажоры»,
«голые короли».
Примы концертных залов,
клубов и площадей.
Эхо былых скандалов
стало ещё смешней.